

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

MUSIC LOVER

(Мини-повесть в двух частях)

Часть первая

Я, она и простой-и-рыжий

Я Бэлку не убивала. Честное слово, не убивала. Зачем мне это нужно? Бэлка, конечно, дура и стерва – неизвестно, чего больше. И это ещё мягко сказано. Мало ей всех прочих озабоченных и лузеров, так она ещё и маленького Мамедика прибрала к своим нананикюреным ногтям. Малый, кроме учебников по биологии, спрашивал время от времени религиозную литературу. Огорчался, когда перед его носом раскладывали «Справочник атеиста» и «Забавное Евангелие в картинках». Он вполне серьёзно настаивал на том, что Землю, его самого и всех нас создал Бог, и что все мы существуем благодаря Всевышнему. Кажется, Бэлке удалось кое в чём переубедить Мамедика. Хотя бы в том, что в создании лично её, Бэлки, принимал участие сам дьявол. Бэлка показала парню, как можно быть по-настоящему счастливым, лишив его девственности в закутке за книжными стеллажами. И, надо отдать ей должное, она отвадила этого малого от одной из религиозных сект в Интернете. Собственно, это не моё дело...

– Нет, ты только представь себе, что сюда является его папаша и узнаёт, чем тут занимается его пятнадцатилетний сынок с нашей кобылицей? – высказала я вслух свои мысли Мике, зав. нашего отдела.

– Что ж, для папашы у неё тоже найдётся метод успокоения за полками, – с юмором отозвалась Мика.

Бэлку невозможно было напугать ничем. Обладая своеобразным, по большей части плоским юмором, она была на редкость самокритичной и интуитивно угадывала, с кем и как ей следует общаться. Особо нуждающимся сотрудникам Бэлка притаскивала из дому свои шмотки. Прежде этим время от времени занималась я, но с появлением Бэлки все мои благотворительные потуги стали незаметными. А ведь я ещё и таскала из дома печёное – особенно той, у которой муж лежал в больнице, а дети-близняшки постоянно прогуливали школу. Ну да ладно. Не в этом дело. Бэлка могла притащить свою косметику и разукрашивать физию всем, кроме меня – меня ей трудно было чем-либо умилостивить. Но она пыталась. Она совала мне статейки из иностранных журнальчиков. Один раз там попался такой текст: ANYONE WHO EVER HELD YOU WOULD TELL YOU, THE WAY I 'M FEELING. В моём переводе с английского дословно это прозвучало бы так: ТОТ, КТО ДАЖЕ ДЕРЖАЛ ТЕБЯ, СКАЗАЛ БЫ ТЕБЕ, ЧТО Я ЧУВСТВУЮ.

Я наверняка бы обиделась, если бы не догадывалась, что Бэлка, скорее всего, сама ни черта не в курсе того текста.

– Ты хоть познакожь меня с тем дебилом, который исполняет подобный эротический бред, – сказала я.

– С лёгкостью! – как-то сразу отреагировала Бэлка. – Могу на днях выслать его тебе в виде музыкального диска.

И она действительно принесла мне диск Мика Харрисона, звезды мирового масштаба. С обложки смотрел рыжекудрый англичанин с лицом, похожим на морду сытого, простодушного кота. Простой-и-рыжий.

Сама Бэлка всегда выглядела ярко и сногшибательно. Дополнительный эффект ей придавали рост и вес. Карие глаза её заметно косили, но Бэлку это не особо портило. К тому же под рукой у неё всегда имелись очки в шикарной оправе – чуть что, она их напяливала.

То, что Бэлка – стерва, я поняла сразу. Правда, всем остальным на это очень скоро стало наплевать. Особенно тем, кого она постоянно гримировала, принимая горячее участие в чужой личной жизни. Под Бэлкиными руками, вооружёнными французской тушью и итальянскими румянами, любые страхолюдные страхуилины превращались в Селин Дионов, Лайзов Минелли и Барбаров Стрейзанд. С Микой, в отличие от меня, Бэлке было намного проще, Мика охотно делилась с ней самым сокровенным.

(– «Сникерс» принёс? (это Бэлка).

– Принёс.

– В ресторан ходили?

– Ходили.

– До дома провожал?

– Провожал.

– А т а к он делал тебе?

– Он ведь взрослый.

– Они т а к все делают. Независимо от возраста).

Находиться поблизости и слышать всё это было просто невыносимо. И не было возможности встать и уйти. Короче говоря, всё это раздражало, но было интересно.

– Никогда не пользуйся дешёвой тушью, – это Бэлка уже мне. – Иначе к сорока годам все ресницы вылезут.

– Ещё увидим, у кого что вылезет, – огрызнулась я.

– Естественно, у меня, у кого же ещё? – невозмутимо и как-то печально согласилась она. Мика хихикнула за стеллажами.

Приходя на работу, я сгребала валяющиеся где попало книги и расставляла их по тёмному фонду, при этом высвечивая себе путь карманным фонариком, как светлячок в ночном саду. Проводка в фонде местами аж обуглилась, а чинить всё это, естественно, никто не собирался. Ни зав. отделом, у которой были поважней дела, в том числе обсуждение своих женихов, с пособием по навешиванию лапши на их несчастные уши, вплоть до гипнотического внушения их половому аппарату. И ни та, у которой дома оставались без надзора головорезы-близнецы, которая часто омывала рабочее место горячими слезами, не забывая при этом вести долгие задушевные беседы с читателями. И ни эта стерва, которая являлась на работу во второй половине дня, распахивая дверь ударом ноги и прижимая к груди кипу кроссвордов. От неё пахивало сложной смесью ликёра с французским парфюмом. «Сучки, привет! – разносился её вопль по всему трёхэтажному зданию. – Пидор у себя?» Сучками звались все незамужние дамы от двадцати до сорока лет. Таких в нашей библиотеке насчитывалось немало. Придя на работу, девчонки сразу же разбегались по своим отделам, словно монашки по кельям. Сидели, прихлёбывая чай, рассказывая про своих племянников и племяншек. А «пидором» Бэлка окрестила нашего главного хранителя библиотечного фонда, который восседал на самом верхнем этаже в уютном и чистом кабинете. Иногда Бэлка называла его ещё и ГНОЙНЫМ П...ДОРОМ. Возможно, в иные времена и при иных обстоятельствах главный хранитель с удовольствием отымел бы эту стерву в хвост и в гриву, и не только морально... но, увы, с его-то возрастом и больной печенью... Впрочем, препятствовало не только это. У предводителя нашего коллектива имелись маниакально ревнивая жена и сын, сидящий за решёткой (о подробностях умолчим). Этот всеми уважаемый пожилой человек спал и видел сладкий

сон, как он передаёт нашу родную библиотеку со всеми её потрохами некоей мафии в обмен на хорошую пенсию. Между тем коллектив наш уже заранее поделён был на две категории – на передаваемых мафии вместе с библиотекой и на выбрасываемых из библиотеки вон вместе с крысиным помётом. И вторые вряд ли догадывались о том, что они – вторые. Рай был обещан поголовно всем, и лишь затем, чтобы повкалывали напоследок, очищая трёхэтажное здание от хлама под названием «книги». Причём за вредность бесплатно раздавалось натуральное молоко, привозимое в металлических бидонах и разливаемое по пластиковым бутылкам; бутылки брали штурмом; хочешь – выпей на месте, а хочешь сохранить для дома, для семьи – к твоим услугам директорский холодильник.

Морально Бэлка не принадлежала ни к первым, ни ко вторым. Она смело вносила в тишайшую, почти девственную атмосферу библиотеки тёрпкую струю разврата. И всё, что интересовало Бэлку в данный момент – это разгадывание кроссвордов, она просто очищала от них киоски по пути на работу. И ещё – регулярный «заполочный» секс. В плане личной жизни терять ей было нечего. И нельзя было заставить её покраснеть. Бэлка сама кого угодно могла вогнать в краску...

– Вагиф-муаллим, там крыса! Вот та-акущая!

– И что? – возмущался случайно вышедший нам навстречу из читального зала директор. – Что вам Вагиф-муаллим – крысолов, что ли? Она здесь не останется.

– За тобой увяжется? – вполголоса спрашивала Бэлка, и тут же, повернувшись в глубину библиотеки, орала: – Эй, крыса, поторопись, Вагиф-муаллим уже уходит!

На месте Бэлкиного мужа я бы ей хорошенько врезала и отпустила на все четыре стороны. И не канючила бы, умоляя вернуться. Но дело, как видно, обстояло иначе. А то Бэлка не пряталась бы в этом храме культуры от своего бывшего супруга и его многочисленных родственников. Так что не стоит ломать голову над тем, какое отношение имел Бэлкин АЗИ Нефтехим к работе в библиотеке. Хотя, надо сказать, в литературе Бэлка разбиралась получше многих из тех, кто закончил библиотечный факультет. Улепётывая от своего последнего по счёту суженого, она оставила ему всё приданое вместе со своим паспортом. Это не имело для неё равным счётом никакого значения, и паспорт она себе раздобыла новый и без всяких печатей на личной жизни – не без помощи своего влиятельного папы-юриста. Можно сказать, Бэлкина жизнь начиналась с чистого листа... если бы ей не мешала я. Вообще-то, вначале я ей не мешала. Это потом я вдруг стала бороться с Бэлкиной похотливой натурой, как Дон Кихот с ветряными мельницами. Первой Бэлкиной забавой стал Надир. Нет, я всё, конечно, понимаю, Бэлка есть Бэлка, но каким образом она его расколдовала, чтобы тут же обратно заколдовать и приворожить к себе? Надир появился в нашей библиотеке примерно за год до Бэлкиного прихода. Длинный, как жердь, он мерял шагами расстояние между читальным залом и мной, попутно что-то выписывая из каталога и это «что-то» протягивал мне, не говоря ни единого слова. Своей молчаливой напористостью он действовал на нервы так же, как и своим видом. Его руки с длинными пальцами вызывали у меня чувство брезгливости, как и нос Гоголя; кроме того, при ходьбе Надир всегда держал их ладонями назад, словно плывущая утка. Доказать этому парню, что в разделе «философия» у нас нет никаких опытов Монтеня, равно как нет вообще ничего из Монтеня, и нет Бэкона, было очень трудно. Так же нельзя было ему доказать, что у нас нет ничего из Фр. Саган, С.Жапризо и А.Кристи. Книги этих авторов лишь числились в нашем фонде, но их уже сто лет как не было на полках. Мало ли – сгорели, погибли под струями дождя, льющимися сквозь прохудившуюся крышу, исчезли вместе с библиотечными работниками (что само по себе выглядело правдоподобно). И нечего было жаловаться в читальный зал, там всё обстояло не лучше. С тоскливым чувством я уже в который раз перебирала французских классиков – толстого, полуразвалившегося Оноре де Бальзака, пыльного Эмиля Золя, сильно исхудавшего (из-за вырванных страниц) Жан-Батиста Мольера и

вверх тормашками и не по алфавиту всунутого Альфонса Доде... И совершенно случайно наткнулась на новенькую «Анатомию развода» Эри Базена; но данную книгу Надир равнодушно отстранил от себя и вновь пошагал – что-то выписывать. Напрасно я махала руками, как крыльями, перед затемнёнными стёклами его очков, за которыми прятались глубоко запавшие глаза с выражением таким скорбным, словно у Надир повесилась невеста. Или две невесты сразу.

В таких случаях я чисто интуитивно звала на помощь Бэлку с её неизменным темпераментом и талантом отшелушивать от себя всех тех, кто капал ей на мозги, одновременно привораживая всё мужское население, как цветок привораживает массу пчёл...

...– Вам нужен портрет Маркса? Заходите на днях, Я ЕГО ЛИЧНО ДЛЯ ВАС СФОТОГРАФИРУЮ И ВСТАВЛЮ В ЧЁРНУЮ РАМКУ. Вот только с того света подыму и побрею... Нет, молодой человек, у нас нет «Декамерона» на полке...и под полкой тоже нет, у нас там только тапочки. Что значит – я не знаю автора? Я его вот как вас помню! «Майн Кампфа» тоже нет. Еще не завезли из Мюнхенской библиотеки. Как туда проехать? На такси, если только прицепить его к самолёту...Молодой человек, отъ...итесь,пожалуйста! Ну-ка, повернулся носом к двери и ать-два!

И я была бы не прочь так пошутить, но то, что дано было Бэлке, не было дано мне. Юмор давался мне с трудом. Вглядываясь в огромные списки литературы, накарябанные отвратительным почерком, и повинуюсь судьбе, я совершала опасные путешествия по длинным деревянным подмостям, опоясывающим библиотечный зал на высоте третьего этажа, ежеминутно рискуя провалиться – в прямом смысле слова – сквозь прогнившие доски. (– ...Хочешь согреться? Вот тебе списочек... – Пока, я пошла...) И руки мои утопали в грязи по локоть, и меня с восторгом встречали мелкие насекомые-чешуйницы, шныряющие по слипшимся обложкам альманахов советской поэзии. Я проделывала всё это из одного лишь честолюбия. Бывало и так: «Хватит там ковыряться, слезай, наша смена кончилась, пускай теперь она мучается». Это звучал снизу Микин голосок. Всё-таки она мне нравилась, несмотря на свою куклявую внешность и вечные шуры-муры с Бэлкой, несмотря на то, что она взяла с меня денежку – якобы коллектив собирался купить в складчину пепельницу для Бэлки на её день рождения (чтобы вернуть свои кровные, мне тогда пришлось жаловаться Бэлке). И я покорно спускалась, в который раз натыкаясь на Майечкин бюстгальтер, кем-то приспособленный под половую тряпку. Кто такая Майечка? Да работала тут одна сорокалетняя девственница. Спустя два года после моего прихода в библиотеку она уволилась. И слава Богу. Майечкина «крыша» всё съезжала и съезжала, пока, наконец, не съехала окончательно, то ли на почве климакса, то ли на почве затянувшейся девственности. Она являлась на работу в белом трикотажном платьице, обтягивающем её крутые бёдра. Все её ужимки выглядели странно, как и разговоры о том, что её постоянно кто-то пытается изнасиловать. Впрочем, таких, как Майечка, немало было и среди читателей. Вот, к примеру, стоит передо мной чудо в грязно-зелёном плаще и тапочках на босу ногу:

– Мне, пожалуйста, Яна Брейгеля, Яна Брейгеля мне, пожалуйста...

– Это художник, – отбиваюсь, как могу. – Он пишет натюрморты, то есть писал, очень давно, в Голландии...

(Я бы его и не знала, но, к счастью, я знаю его папу, Питера Брейгеля, одного из моих любимых художников)

А она мне:

– Если это художник, то почему «писал»?..

Бэлка нашла бы, что ответить, а моей фантазии хватило лишь на то, чтобы пообещать исправиться – лишь бы отфутболить это явление природы на первый этаж, в отдел искусств. Однако вскоре сумасшедшая снова всплыла передо мной:

– Что вы мне сказки рассказываете?! Он оттуда уже вышел! Вам надо на рынке торговать. К вам дорога идёт через рынок...

Будь я директрисой библиотеки, не поленилась бы ввести ещё одну штатную единицу для психоаналитика. Впрочем, у нашего директора проблем и без того хватало. Бэлкина раскованность явно задевала его за живое. Однажды он даже вызвал её в свой кабинет, и вскоре мы услышали, как его истерические вопли заглушают Бэлкин оборонительный визг. Потом всё смолкло. Бэлка вышла с победоносным видом, хлопнув дверью.

При виде Бэлки Надир стал быстро оттаивать, на его лице появилась улыбка, которая обезобразивала его ещё больше. Да, парень, судя по всему, запал не на шутку. Дело явно шло к предложению руки и сердца. Бедняга.

– Пора давать отпор и готовиться к одиночеству.

Бэлка курила. За полками мелькал её красный свитер. Между томами ленинских работ, манифестов, материалов партийных съездов покоились пачка сигарет, чья-то незакрытая мыльница с мылом, наполовину сгрызённым крысами, чей-то шерстяной носок и множество других уже никому не принадлежащих предметов. Бэлка курила, а я в это время пыталась забросить на предпоследнюю полку учебник «Металловедение». Увы, мой рост позволял мне не всё.

– Ты не одна, с тобою вся страна, – откликнулась я угрюмо, имея в виду Бэлкиных многочисленных подруг, замужних и разведённых, и мальчиков, которые притаскивали с собой лёгкие наркотики и которых уже пора было лечить за излишнюю откровенность.

– Ошибаешься. Ох, как ты ошибаешься.

– Помогла бы лучше.

– Да пожалуйста! – Бэлка подошла своим тяжёлым шагом, подхватила увесистое «Металловедение» и так резко втиснула его между книгами, что мне в глаза что-то посыпалось. – Кстати, я увольняюсь. Верни мой диск.

Скатертью дорожка тебе, Бэлочка. Вот только диск твой я не смогу вернуть. Твой диск застрял в моём DVD-плеере и не хочет оттуда вылезать. Его там заклинило. Но воспроизведение работает. Теперь мне остаётся только одно: добравшись до дома, сесть с ногами на диван, нажать на кнопку «Пуск» и медленно, медленно погружаться в nirvanу в сопровождении Мика Харрисона, отхлёбывая при этом кофе со сливками, раскусывая «Рузанну» (нежное вишнёвое суфле покрыто тончайшим слоем шоколада)...ай эм геттинг хай! – как говорят англичане: я на вершине блаженства. Под все эти чувственные блюзы и гитарные соло хочется мысленно мастурбировать, улетаая под облака, покачиваясь на волнах Тихого океана...Что ещё можно делать после того, как переглядишь три мужские сорочки, пособираешь выстиранные и высохшие носки, вывернешь их налицо и запихаешь в кулёк?.. Мик, а вот интересно, твоя жена тоже всем этим занимается? Или ты дал ей под зад коленом после того, как она родила тебе ребёнка? Она тебе уже не нужна, равно как не нужна и твоему чаду. Ты его сам воспитаешь и сделаешь это супер! Ты завалишь его игрушками, выстроишь вокруг него аттракционы с гномами, эльфами, со всякой живностью, включая и диких зверей. Ты ведь капиталист, Мик, ты не ограничен в своих возможностях, так же, как и в желаниях...Ну же, Мик, пожелай меня мысленно, а я пожелаю тебя, под твой кошачий баритон, переходящий в душераздирающие вопли... пока ещё не остыл мой кофе, пока мой муж не вернется с работы («дорогая, тебе ещё не надоел этот мяукающий придурок?») Как ты это делаешь, Мик? Вероятно, и сам не знаешь. Просто ты таким родился... Мик, я даю тебе слово, что когда заведу себе рыжего кота, то назову его твоим именем, и он будет жить у меня долго, он будет сытым и холёным, и безумно ласковым, не дающим в руки кому попало из опасения попортить свой лоск. А когда он всё же умрёт, я высеку на его белом надгробном камне над-

пись... Нет, надписей будет две, одна из них будет гласить: «Это всё, что я имела и чего у меня не будет никогда», а вторая – «В этом мире ничего нельзя достигнуть, ибо всё достигнутое тут же превращается в тоскливую бессмысленную реальность». Бэлка уволилась. Надир долго ещё ходил за мной по переулкам, делая вид, будто не замечает меня. Куда я со своим пекинесом, туда и он, словно я могла пропитаться Бэлкиными ароматами. Моя собака задирала лапу на кучи строительного песка, а Надир утыкался носом в витрины и рекламные щиты, якобы что-то рассматривая через свои очки. «Надир, – позвала я его осторожно. – Нади-ир...» «А? – обернулся он. – А, это ты...» «Да, Надир, это я, и я, если ты заметил – не она...И ты напрасно убиваешься, у неё вот так хватает» – я провела большим пальцем по своему подбородку. «Что у неё «вот так?» – не понял он. «Таких несчастных, как ты» Тогда он резко повернулся и зашагал прочь. И у меня возникло ощущение, словно я уже совершила своё первое убийство. Даже не знаю, дошёл ли он тогда до своего дома. Больше я не видела его никогда. Исчезнув из Бэлкиной жизни, он заодно исчез и из моих серых будней. Зато на работе меня ожидал сюрприз. На Бэлкином рабочем стуле я вдруг обнаружила новое существо. Оно оказалось уже не просто стервой – кое-чем похлеще. У Бэлки, по крайней мере, присутствовал интеллект. А у этой, как говорят в подобных случаях, была всего одна извилина, да и та промеж ног. «Ай гыз, ты, кажется, порвала юбку», – заметила я не без издевки. «Это разрез», – тупо отреагировала девица, пытаясь накинуть отваливающуюся боковину юбки на свою голую ляжку. Она пила чай, раскладывая мокрые пакетики прямо на абонементе, отчего абонемент оказался разрисован тёмными пятнами. Делать замечания было более чем неуместно, можно было наклепать на себя неприятности – например, подмену твоего целого стула на стул с поломанной ножкой. Вот что-что, а Бэлка, открытая душа, была совершенно не способна на подлянки. Я просто не попевала за этим чудодюдом. Из отдела научной литературы девица, чтобы зря не мучиться, выгребала буквально всё, обслуживая одного лишь читателя. «Майскую ночь...» искала на букву «М», а «утопленницу» на букву «У», не подозревая, что это название одного и того же произведения, и что у него есть, оказывается, ещё и автор. Астрид Линдгрен она путала с Александром Грином, Александра Грина – с Грэмом Грином; видимо, со зрением и со слухом у девицы были нелады. Зато под окнами библиотеки для этой крошки время от времени бибикало импортное авто с сорокалетним любовником внутри. Однажды она явилась на работу вся зарёванная. В чём дело? Оказывается, любовник разбился в лепёшку на своей тачке. Мне даже стало в какой-то степени жаль это тупое существо. Кто же теперь станет оплачивать её эксклюзивные одеяния? Неужели мама, торгующая за углом пирожками?.. Бэлуся, золотце моё, стерва! Вернись, я всё прощу! Я закрою глаза на все твои прелюбодеяния и наплюю на нашу с тобой психологическую несовместимость. Хотя, как утверждают психологи, психологической совместимости в этом мире не существует. Девица ушла. Канула, растворилась, лопнула, как мыльный пузырь. Такие никогда не задерживаются в библиотеках надолго. А Бэлка вернулась. Она с восторгом поведала о том, как сказала своему теперь уже бывшему боссу, главе какой-то иностранной компании, куда она устроилась, что жвачка в её рту – не член и работать ей не мешает. С возвращением Бэлки всё завертелось. Ой, Бэлка, как ты хорошо выглядишь... Где же ты так долго пропадала, Бэла?! Бэла, тебя тут спрашивали двое. Один весь телефон оборвал... Бэлусь, ты не проверишь на прочность моего кавалера? Вот тебе телефончик... А косметика у тебя с собой?..

...Пярвиз не стал вторым или третьим по счёту. Он был лишь одним из тех многих, на кого Бэлка выпустила коготки. К тому времени наши с ней отношения уже дали трещину, к ней примешалась ещё и драчка по поводу выходных дней. Видите ли, именно в мой выходной у этой стервы намечалась пирушка, тогда как я уже до-

говорила с зубным врачом. «Что важнее – твоя пирушка или мой поход к врачу?!» Мика меня не поддержала. Бэлка презентовала ей на Восьмое марта недешёвый перстенёк, наверняка из своей коллекции. Куда уж нам с нашей нищенской зарплатой до таких подарков коллегам! По сути дела, Бэлкой подкупалось всё и вся. И я вышла на работу в свой субботний выходной, ненавидя себя за постоянные свои уступки и вечную роль козла отпущения. А эта стерва явилась на вторые сутки пьяная в дымину, почти что на четвереньках, опоздав к тому же на два часа, зажимая под мышкой марочный коньяк, предназначенный для пидора-директора в качестве компенсации или взятки – как ему удобнее будет принять. И он принял, хотя до этого случая его интересовали лишь денежные купюры. Директор даже не обратил внимания на то, что в кабинет к нему Бэлка не вошла, а вползла, и обратно по лестнице она тоже сползала.

– Ладно, иди домой, – сжалилась надо мной Мика. – Я повкалываю за вас двоих.

– Ой, спасибочки!

А потом...

– Пярвиз, – я поманила к себе пальцем стройного очкастого красавца, студента третьего курса юрфака. – Пярвиз, держись от этой стервы подальше.

Парень смущённо улыбнулся в ответ:

– Спасибо, я сам как-нибудь разберусь.

Он вдобавок ко всему оказался ещё и умным!

– Пярвиз, – продолжала я, – ей тридцать пять лет, она четыре раза была замужем. Последний муж измутил её до полусмерти. Сказать, за что?

– Не надо, – он снова улыбнулся, но при этом попятился.

– Мне, конечно, всё равно, что она тут вытворяет с другими, но пусть это будешь не ты.

Парень молча покидал учебники в авоську и вышел на лестничную площадку.

Теперь я ждала, когда зайвится Бэлка и усядется рядом со мной решать кроссворды, или пойдёт курить в глубины фонда.

Заявилась.

– Этот чувак зовёт меня в кафе. Ты случайно не знаешь, за каким таким?..

– Пярвиз пригласил тебя в кафе? – Бэлка не сумела скрыть удивления. – Хочешь, я сделаю тебе макияж?

Её великодушие чуть было не пробудило во мне совесть.

– Да нет, Бэлка, что ты! Не хватало ещё, чтобы он возомнил себя сердцеедом. Ещё подумает, что это я из-за него так разукрасилась.

– Ладно. Тогда я тебе сегодня же вечером позвоню, и ты расскажешь, чем всё кончилось.

Ты была бы не ты, если б не позвонила! Я даже не потрудилась придумать название кафе, и кто чего из нас двоих заказал. Зато по телефону я экспромтом выдала тебе такую хрень, что мне самой стало не по себе. И теперь я с ужасом наблюдала, как вы оба становитесь героями срежиссированной мною пьесы. Как Пярвиз заискивающе улыбается при виде тебя, а ты буквально обливаешь его холодом и чуть ли не матом кроешь...

– Я ведь предупреждала: будет больно! – бросала я ему в отсутствие тебя, стерва. А вот это уже ей:

– Этот нахал стал звонить мне по ночам. Не пора ли избавиться от него, как ты думаешь?

К счастью, психика Пярвиза оказалась покрепче психики Надира. Да и в личной жизни у такого красавца всё должно быть, думаю, ништяк! И Бэлка для него – лишь промежуточный этап, гимнастическое бревно, которым он – с моей помощью – так и не смог воспользоваться.

...Мик, мы обязательно с тобой встретимся. Иначе зачем я изучаю этот твой долбаный английский? Забывая слова, спотыкаясь на каждом слоге...Я уже десять лет как его изучаю. Видимо, мои способности не выше средних. Надеюсь, что с тобой мне много слов не понадобится...Мик...Ты – мой рыжий кот. Самый рыжий и самый котовый из всех котов в мире...Мне всё напоминает о тебе. И этот колючий кактус, и даже разросшийся членистостебельный декабрист, не желающий цвести ни в декабре, ни в мае. Тогда ты будешь только моим. Я порву в клочья любую душу, которая к тебе приблизится. Но всё это будет лишь на том свете, так как за э т о т свет я не отвечаю и не знаю, что в нём должно произойти, чтобы мы с тобой встретились, какой потоп, какая катастрофа... Порой мне кажется, что нас с тобой просто не существует. Есть лишь две ходячие оболочки. Одна из них – я. Снующая меж пыльных полок под недоумевающие взгляды крыс...

...– Чего ты хочешь? – Бэлка уставилась на меня в упор, демонстрируя своё согласие. – Чего ты добиваешься своими нравами и эгоизмом?

– Я хочу, чтобы ты убралась отсюда как можно быстрее и навсегда, пока я не наделала ещё каких-нибудь глупостей и не объявила всем, кто ты есть.

– Иди, объявляй. Делай свои глупости. Но без меня ты тут пропадёшь. Или ты хочешь, чтобы я тебе заплатила?

А вот это уже интересно: как бы выглядела твоя взятка, чтобы я забыла случайно увиденную пухлую и волосатую, пардон, задницу Казановой, пристроившуюся между твоих ляжек? Как назло, я тогда вышла с тобой в одну смену, не сообразив, что это тебе на руку. И я, как покладистая овечка, бросилась обслуживать сразу два стола – стол школяров и студентов и стол домохозяек и пенсионеров, стучащих кулаками по столешнице и требующих детективы. Мне предстояло обслужить школьника, который никак не мог попасть в точку – то ли ему нужен был «Вишнёвый парк», то ли «Вишнёвый сад». И мне пришлось вызвать из фонда нашу усатую Гюльшан по прозвищу Кинг-Конг. Она искала эту книгу в разделе «Садоводство», не обращая внимания на заголовочные возню и стоны. Ты подцепила его случайно, на улице, возле Драмтеатра, где этот Казанова...впрочем, у него есть имя – Байрам Салманов... где он играл до обидного мелкие роли. Со своим ростом (тебе до пупа) и темпераментом он запросто смог бы сыграть Наполеона в объятиях Жозефины, но играл почему-то чайханщиков, и ещё не вполне одушевлённые предметы – ну, типа дерева, под которым укладывался подремать дон Педро. Через неделю мы с Бэлкой уже обе охотились за этим несбывшимся Наполеоном с восхитительнейшей улыбкой и потными ладонями. Вот только цели мы преследовали разные. И надо же – мне удалось перехватить его первой!

– Ну вот что, потный деятель эротических искусств, я застукала тебя здесь за непотребным делом. Пошёл вон! Пока вся твоя театральная труппа не выстроилась в кабинете у библиотечного нашего монстра, созерцая твою голую задницу...

Было сказано веско, даже слишком. Наш директор, по сути, и мухи обидеть не мог, но этот гадёныш мне поверил. Бэлка погналась за ним, голося на всю лестничную клетку, чтобы выяснить, что же произошло. Он, обладая артистической памятью, передал ей все мои изречения слово в слово. Не знаю, догадалась ли она о том, что мои рассказы о походах с Пярвизом в кафе и прочем были сплошной выдумкой?..

– И сколько ты мне заплатишь? Надеюсь, на «Мерседес» хватит?

– «Мерседеса» даже у меня нет, – не полезла за словом в карман Бэлка. Кого угодно она могла послать на три буквы, но со мной и с Микой вела себя сдержанно. – Нет, я, конечно, понимаю, он тебе нравится, но тебе следует поменять тактику.

С чего это ты, стерва, взяла, что этот мелкий актёршишка мог меня пленить? Он, конечно, артистически раскован, похотлив, сексуально мерзок и наверняка непо-

стоянен, и как никто другой подходит тебе, но лишь затем, чтобы покалякать и потискаться с ним. В том, кто мне действительно нравится, все эти качества тоже присутствуют, но в разумных пределах. И в сочетании с истинным талантом и высокой работоспособностью. Сюда ещё можно добавить интеллект. И ты, стерва, никогда не будешь достойна его. Ни ты и ни твой доморощенный Казанова. Боюсь, что во всём нашем Отечестве не найдётся ему равных по таланту и обаянию. Мик, я целую тебя в твой рыжий пушок под нижней губой...

– Я диск тебе подарила? – продолжала муржиться меня Бэлка.

– Ну, подарила.

– Разве я плохого мужа тебе сосватала?

– Вовсе нет. Муж просто исключительный. Вот только я как-то не догадывалась, что это ты мне его сосватала, – уже без всякой иронии ответила я, вспоминая, как в один прекрасный день в библиотеку вшагнуло что-то большое и жутко голодное (я пожертвовала ему два своих пирожка, а после и всю свою зарплату), жутко начитанное и безумно интеллигентное. Правда, потом выяснилось, что он матерится, как грузчик, и именно во время занятий любовью. Но, могу поклясться, Бэлка его не тронула. Ни-ни, как только поняла: это – м о ё. То, что это мой супруг, поняли сразу все, сидящие в отделах и смотрящие в оба. Все, разумеется, кроме меня самой. Но даже когда я это поняла и почувствовала на себе, даже тогда из меня невозможно было ничего выдавить, ничего интимного и откровенного. Я молчала, как знаменитая партизанка. И тут у меня из глаз хлынули слёзы. Бэлка попятилась, через секунду всунула мне в руку свою бутылку с минералкой:

– Господи, ещё одно несчастье на мою светлую голову! Ну-ка, давай колись, что там у тебя с Сабиром произошло?

Ну уж нет, дура. Откровенничать я с тобой не собираюсь, ни при каких обстоятельствах. Даже теперь. И ни к чему тебе и всем остальным знать о том, что мне всё чаще и чаще хочется растащить наше брачное ложе на две половины и всунуть между ними тумбочку, тогда как мои ноги по инерции всё ещё бегают по подземкам, выискивая стильные сорочки и модельную обувь за приемлимую цену. Вероятно, так устроена большая часть женского населения, за исключением, конечно, такой не зависимой ни от кого и ни от чего стервы, как ты. И ты, с энтузиазмом закадривая каждого приглянувшегося тебе придурка, ещё смеешь толковать мне о своём одиночестве?! И я тебе не скажу о том, что во мне живёт абсолютно другая жизнь с тех пор, как у меня появился диск Мика Харрисона...

– У меня душа устала, она ни на чём не отдыхает, – пропищала я сквозь слёзы.

– Душа устала, – повторила Бэлка, которой ничего не надо было объяснять. – Может быть, позовём маленького Мамедика, чтобы он направил наши души на путь истинный? – попыталась она развеселить меня. – А впрочем, ну его на ...! Вот тебе ключи от домика. Далековато, правда, но я надеюсь, на поездку как-нибудь наскребёте. Договорись с нашим пидором. Поживёте с муженьком недельку в окружении иностранного контингента. А там, глядишь, – и наладится, – Бэлка многозначительно подмигнула косым глазом.

Я ушла, а Бэлка осталась.

А в конце рабочего дня её вынесли из библиотеки с ножом, торчащим из тела. Это был тот самый нож, которым обычно резали торт, справляя в библиотеке чей-либо день рождения. Думаю, это был Надир. Хотя... Утверждать не берусь.

Мик... Кажется. Я схожу с ума. Я накупила целую кипу дисков с твоими песнями и клипами. Хожу по квартире, нажимаю на кнопки пультов, и отовсюду льёшься ты, заполняя пространство вне меня и внутри меня. Как жаль, что диски с тобой нельзя вставить в стиральную машину, микроволновую печь и кофеварку!.. И как жаль, что ты до сих пор не явился ни в один из моих снов. Что ты не сможешь принадлежать

мне даже постаревший и мёртвый. А знаешь, что самое нелепое в моих чувствах к тебе? То, что я завидую вовсе не тебе и даже не твоей жене. Я завидую твоему б э – б и. Не знаю, кто это, мальчик или девочка. Но я точно знаю содержание тех СМС – ок, которые тебе посылаются: HOW CAN YOU MAKE IS LATE? THAT`S A WHOLE MINUTE OF MY LIFE! («Как ты можешь опаздывать? Ведь это целая минута моей жизни!»)

Часть вторая

Собственно Music lover

Итак, я совершенно непричастна к тому, что случилось с Бэлкой. Однако её ключики от далёкого домика в дачном посёлке для иностранцев всё ещё позвякивали в моей сумке на каждом шагу, попав в пустую чашку...И я почти сутки не могла заставить себя прикоснуться к ключикам. К ним прикоснулся мой муженёк. Он с любопытством рассматривал брелок в виде голой куколки с выпуклыми прелестями. «Ну что, едем?» – задумчиво проговорил он. «Едем», – отозвалась я, выхватывая у него ключи. Действительно, давно уже хотелось выехать куда-нибудь. Туда, где леса, горы, овраги, ущелья – хоть в тартарары, лишь бы подальше от мегаполиса! К тому же ключи уже были, считай, моими. И ещё очень хотелось опробовать чемодан на колёсиках с выдвижной ручкой. Он выглядел совсем ещё новеньким, хоть муж и приловок его с мусорки. Он часто притаскивал оттуда что-нибудь привлекательное; один раз там же подобрал модное кепи и дешёвый синтезатор (нет, что ни говори, а есть всё-таки польза от наводнивших наш район иностранцев!). Я всё порывалась спустить его с пятого этажа... нет, не мужа, а синтезатор; мужа я и так семь раз на дню мысленно спускала с лестницы и примерно столько же раз мысленно его жалела. Особенно во мне пробуждалась жуткая агрессия накануне месячных. А тут ещё прямо с утра тётушкин звонок (а ей под девяносто лет): «У вас газ идёт?» «У нас газ идёт» «Идёт у вас газ?» «Идёт у нас газ!!» «Так что, у вас газа нет?..» «Тьфу!!!» – я бросила трубку. Зачем, спрашивается, звонить, если ты окончательно оглохла? На всякий случай я поплелась на кухню. Газа действительно не было. Мой кайф с чашкой горячего кофе пролетал. Чтобы как-то отвлечься от головной и поясничной боли, я взяла чистую влажную тряпку и стала протирать чемодан. Он был очень вместительным. Суй, что хочешь, вплоть до постельного белья и кроссовок. Впрочем, стоит ли тащить эту машину за город? Кроссовки, пока они новые, можно, не стыдясь, и на ноги надеть.

...Автобус кренился то в одну сторону, то в другую, трясло, как на арбе, с багажных полок на головы сыпались мягкие игрушки (хорошо, что мягкие!). Наконец... О, блаженство! Нас повезли по гладкому «серпантину», вдали и внизу мелькали акkuratные разноцветные коттеджи...

Автобус остановился посреди бесхозной равнины. «Простите, нам нужно в...» – деликатно кашлянул муж, называя нужный населённый пункт. «Туда не еду», – коротко сказал водила. «А как же?..» Водитель пожал плечами: «Хотите – пешком, хотите – ловите...» «А что нам ловить?» – спросила я, не расслышав. «Бабочек!» – сыронизировал мой муж, вытаскивая меня вместе с чемоданом из автобуса. И мы пошли по указанной дороге, начало которой было украшено выцветшим и перекосившимся транспарантом: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СОВХОЗ «СВЕТЛЫЙ ПУТЬ!» Мы дошли до крутого подъёма, усыпанного булыжниками. «Ну и куда это мы приплыли?» – с издевкой поинтересовался муж. «Ты меня спрашиваешь? – огрызнулась я, чувствуя нарастающее раздражение. – Бэлка говорила, тут полно иностранцев» «А, так это они там транспарант намалевали, а сами смылись, – съехидничал муж. – А ну-ка, давай сюда твою гениальную карту местности!» Я с отвращением протянула ему Бэлкин план. «Та-ак, ещё не всё потеряно...Нам туда, в самый конец» И мы попёрлись

вверх по булыжной мостовой... «Зря я надела на него белые кеды, – буравила меня мысль при виде мужа, шедшего впереди меня и катящего грохочущий чемодан. – А носки!..» О Боже, я так и знала! Он надел в путешествие самые дорогие, самые лучшие носки, которые я купила ему под цвет новой жилетки! «Вот доберёмся до места, и я учиню тебе разборку!» – зрела во мне ненависть к ни в чём не повинному родному существу, и всё из-за жуткой, внезапно навалившейся жары, а также из-за моего состояния, о котором в приличном обществе умалчивают. «Хорошая вещь, но не для таких прогулок», – ворчал муж, имея в виду чемодан. «Смотри, колёсики не отбей», – предостерегла я. «Колёсики!.. – негодовал он. – Каких кирпичей, дорогая, ты туда напихала?» «Я, дорогой, напихала туда банку моего любимого кофе, банку сгущёнки и три пачки твоих любимых пряников!» «Хорошо ещё, ночной горшок не положила...» «Теперь думаю, что плохо...»

Мимо проплывали белокаменные стены и железные ворота, и деревянные лавочки у ворот. Впереди послышался чей-то пьяный мат. «Это твои иностранцы нас так приветствуют», – съязвил муж.

Бэлка, стерва, ты сумела-таки напоследок отомстить мне за испорченное мною твоё любовное свидание! Небось, сейчас смотришь на нас сверху и думаешь: «Ну, бл...ди, как я вас сделала!» «Всё, дальше не могу», – произнесла я, плюхаясь прямо на булыжники, поскольку лавочки давно уже кончились. «А дальше и не надо», – заметил муж, оценивающе разглядывая проволочную сетку, которой был обнесён предназначенный для нас таинственный дом. «Интересно, какой ключ сюда подходит?» – сказала я, разглядывая громадный ржавый замок. «Сейчас покажу, какой», – ответил муж, распахивая калитку носком белого кеда. – Добро пожаловать! И пойду поищу хотя бы туалет для начала нашего великого отдыха» «Угу, – согласилась я. – И не забудь разыскать для меня джакузи» «А вот это, скорее всего, у соседа вон за той крепостной стеной с куполами, а мы уж как-нибудь из шланга», – сказал муж, удаляясь куда-то вниз по пологой дорожке. Я осталась наедине с тишиной, присев на обширный пенёк, бывший в своё время раскидистым деревом, на котором когда-то, вполне возможно, висели качели. Всё-таки это был рай – вернее, предчувствие рая. Муж долго не появлялся. Его соитие с природой явно затянулось. Мне следовало отправиться на его поиски... но тут он наконец появился, жуя яблоко. «Послушай, там такое чудо! – воскликнул он. – Там такой роскошный сад, совсем неухоженный, но кое-что плодоносит». «Ещё бы не плодоносить, – ответила я, брезгливо морща нос. – Похоже, на эту площадку со времён Екатерины Великой не ступала нога ассенизатора...» Муж чуть не подавился яблоком. «Ты, как всегда, нежна в своих высказываниях, подобно майской розе», – пробурчал он. «Ну так с кем поведёшься!.. И вообще – довольно комплиментов, пока не поссорились, как всегда...Ты нашёл туалет?» «Найти-то я нашёл, но тебе с твоей брезгливостью, лапуля, лучше сходить куда-нибудь под кустик» «Ясное дело», – отозвалась я, направляясь к саду. «Смотри, не заблудись!» – напутствовал меня муж. Он явно имел в виду – «смотри, не провались!», но я смолчала.

Я прошла вниз по дорожке всего несколько шагов. Да, это действительно блаженство! Здесь было тенисто и прохладно, смягчённый солнечный свет проникал сквозь листву деревьев. Следовало поставить здесь раскладушку или, на худой конец, расстелить старое одеяло и развалиться на нём. А нет одеяла – можно и так... Это что такое?! Носки! Я так и знала! Этот гадкий мальчик снял с себя свои новые, по ошибке надетые носки и повесил их на покосившуюся изгородь, отдающую наш сад от соседнего! В надежде, что я ничего не замечу и не устрою скандала! Я сдернула бордовые носки, чуть на зацепившись ими за торчащий ржавый гвоздь, и отправилась назад. Одолёв подъём наполовину, я вдруг поняла, что держу в руках ч у ж и е носки: запах был не тот, к которому привык мой нос, да и цвет был посочнее... Надо быстро вернуть нечаянно украденную вещь... или вещи, учитывая, что носков всё же пара...

Когда я спустилась к изгороди, возле неё стоял и смотрел на меня голубоглазый иностранец. Почему я решила, что он иностранец? Да потому что они заметно от нас отличаются и долго ещё будут отличаться. Он смотрел на меня безо всякого укора. «Экскьюз ми, – пролепетала я, – ай сынк, ит из май хазбентс...» (как по-английски «носки», я, конечно же, не помнила). «О' кей, – согласился иностранец и добавил: – Ит из май презент фо ю!» С этими словами он удалился. А вот это уже наглость, подумала я, соображая, как по-английски будет «наглость»; я совершенно не нуждаюсь в подачках от заморских гостей! Тем более, что носки не новые... И нечего мне тут демонстрировать своё высокомерие. Подумаешь, обмотался шарфом в тридцатиградусную жару и разгуливает тут!

По шаткой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж сильно вросшего в землю дома, я поднялась легко, как на крыльях. Дверь уже была отперта моим мужем. Пройдя через малюсенькую лоджию, я оказалась в комнате, где за столом сидел муж и увлечённо читал раздобытый где-то детский журнал «Мурзилка» за 1975 год. «На тебе есть носки?» – атаковала я его. Он машинально задрал штанину, пощупал ступню. «Никаких. Я их где-то сдёрнул, во дворе» – ответил он. «И куда повесил?» «Не помню». «А какого цвета они были?» «Да не помню я! – заорал муж. – Мы сюда отдыхать приехали или выяснять отношения про носки?» Я хлопнула дверь.

Дорога в сад показалась мне намного короче, чем в первый раз. И я успела в самый раз – носки моего мужа только что оказались в чужих руках, загорелых и веснушчатых. Я буквально вырвала носки из этих рук. «Oh, my God», – поморщился иностранец, по-джентльменски уступая, и сделал красноречивый жест, означающий: возьмите же вы это себе, если вам это так уж необходимо! И тут...

Мик, Мик Хариссон, звезда мирового масштаба с диска, подаренного мне Бэлкой... это ведь ты, обожаемый мною Мик... это же твоя улыбка...твой волнистый рыжий волос, на этот раз коротко подстриженный и безо всякой химзавивки... и твой пирсинг... Невероятно! Невозможно! Непостижимо! Что ты делаешь в этой глухомани? Тут ведь далеко не Кипр. Скрываешься от назойливых, нелюбимых тобою журналистов? Создаешь новые хиты среди кавказских гор? Собираешь лопухи для своего любимого салата «ромэн»?.. Лечишь заболевшее горло у местной знахарки?.. Приехал по приглашению какого-нибудь местного олигарха петь на свадьбе его сына-дочери?.. Всё это мне предстояло выяснить. А пока что ты был для меня бриллиантом в драгоценной оправе, найденным на дороге... не считая моего суженого, ладно, пусть он будет первый бриллиант, а ты – второй... Я не должна тебя упускать. Я бы никогда себе этого не простила. В моей голове зашелестел, подобно перелистываемой книге, курс английского языка Илоны Давыдовой, и я выдала всё, что знала на тему о природе, о погоде и так далее.

«Очень содержательно», – сказал ты по-английски. «А главное – поэтично», – сказала я по-русски.

Ты улыбнулся через плечо, твои маленькие, чуть припухшие глазки, такие голубые и поэтично бездонные, способные вместить в себя полнеба и полмира, глядели устало и довольно равнодушно. В данный момент ты явно не был готов общаться с представительницей прекрасного пола и улыбался мне только из вежливости. «Где вы изучали язык?» – поинтересовался ты. «Ит из майселф», – гордо заявила я. «Oh, yourself!» – шуточно восхитился ты и стал удаляться в глубь сада. «Нет!» – сказала я себе. Мне не оставалось ничего другого, как только схватить тебя за руку и потащить через лазейку в изгороди прямо в горы. Ты был на редкость покладист, как дитя; похоже, жизнь научила тебя не оказывать сопротивления шизанутым поклонникам – во избежание худшего. О Мик, если б ты вздумал сопротивляться мне, я проглотила бы тебя целиком, без остатка, чтобы сохранить тебя в себе! Я слышала за собой шлёпанье твоих босых ног в коричневых тапочках (я успела заметить рыжий

пушок на большом пальце твоей ноги с ногтем, подстриженным настолько аккуратно, что хоть бери палец в рот). Мне казалось, что в данную минуту я краду тебя, увожу от всех, и не было в моей жизни мига слаще! Мик, ты – мой самый счастливый миг! Вот бы взять у тебя обширное интервью в горах и поместить его в газете «Зеркало» на весь разворот, не всё же там печататься моему знаменитому супругу.

Так мы взобрались на первую попавшуюся возвышенность, откуда всё было видно, как на ладони – далёкое водохранилище, множество кемпингов вокруг него, дорожки, огибающие дома, сады и огороды. А закат сводил с ума своими потрясающими красками! Я уже собиралась наемкнуть тебе (разумеется, по-английски), что неплохо было бы снять здесь твой новый клип, как вдруг заметила, что смотришь ты совсем в другую сторону. Как это ни прискорбно, но нас с тобой интересовали совсем разные вещи. Я проследила за твоим взглядом и увидела далеко внизу каких-то людишек, тянувшихся муравьиной цепочкой от одного из домов (похоже, это был соседний с нами дом).

«Я в восторге от нашей прогулки, моя золотая леди, – наконец-то промолвил ты с присущим тебе юмором. – И я восхищён тем, что вам удалось сделать невозможное. Этих ребят я жду уже целую неделю. Без них мне не выбраться отсюда». Сказав это, ты начал неторопливо спускаться по склону. «Мик!!! – вырвался вопль из моей истерзанной души вслед тебе. – Мы вдвоём покорили эту вершину и с твоей стороны будет непорядочно оставить меня на этой чёртовой горе одну. Ты будешь просто последней сволочью, Мик, если не протянешь мне руку помощи!» Кажется, ты коротко, но энергично выругался, прежде чем вернуться. И мы, взявшись за руки, поскакали вниз по склону, игнорируя тропинки, и у тебя ещё хватило совести, англосаксонская твоя морда, отпустить мою руку на самой середине спуска!.. Я так и врезалась в этот могучий чертополох!..

«Ну что, погрёмся в горы?» – этими словами меня встретил бодрый и весёлый муж. Он сидел на пеньке, обстругивая ножом длинный сук, и не заметил ни ободранных моих коленок, ни растерзанных кед, ни огромной шишки на моём лбу. Зато из кармана моих когда-то белых, а теперь землисто-бурых шортиков всё ещё торчали бордовые носки...

Я попыталась запихать их поглубже, но карман затрещал по швам и носки вообще вывалились. «Так-то ты блюдёшь супружескую верность», – с горечью произнёс муж. «Успокойся, милый, – ответила я. – Единственно, с кем мне удалось изменить тебе сегодня, это с двухметровым репейником. Зато тебе, как я погляжу, больше по вкусу развлекаться с этой корягой, чем со мной. Ведь ты меня даже не ищешь в этой чужой стороне...» «Кстати, я нашёл свои носки», – объявил муж, не замечая моей обиды. «Рада за тебя! Вот только боюсь, наш с тобой поход в горы сегодня не состоится». «Ты, как всегда, права. Не стоит рисковать после заката. Мы всё начнём с рассветом. Эх, сейчас бы горячего чайку с бутербродами!» «Неплохая идея, – согласилась я. – Претворяй её в жизнь, пока я буду ставить себе примочки». «Эй, ты куда опять?» – кричит муж. «Да тут сосед в нашем саду золотой портсигар обронил...»

Мик, я иду к тебе с твоими дорогими душистыми носками. Вот уж никогда не думала, что стану фетишисткой! Зато я, кажется, поняла, почему ты повесил носки на нашей стороне. Они должны были служить своеобразным ориентиром для твоих импрессионаристов, чтобы они не проскочили мимо твоего дома... Но всё равно ты их повесил не туда, куда было нужно. Помешала этому я. Так уж получается, что я всем мешаю в этой жизни.

А ты сидишь в пластмассовом кресле под деревом и сосредоточенно извлекаешь колючку из подушечки большого пальца на правой ноге, совершенно непохожий на супергероя из своих романтических клипов, и явно посылаешь к чёртовой прабабушке всех, в том числе и меня... Не надо, Мик! Хотя у меня сегодня такое настроение, что я готова каждую минуту мстить сильной половине человечества за все

свои испорченные мечты и надежды, а чем ты не из их числа?! На твоей стороне есть хотя бы импровизированный душ, а на моей... э, да что там говорить! И ты мне предоставишь... нет, ты просто о б я з а н предоставить мне душ после такого неудачного спуска с горы! И ты дашь мне своё полотенце... нет, ты обернёшь меня своим полотенцем, когда я выйду из душа...

Размечталась!!!

Ты окинул меня быстрым, оценивающим взглядом, на миг оторвавшись от ключки в ноге: «Это было незабываемо». «О да, Мик! Ты снимешь об этом клип?» «Я сниму об этом три клипа». «А в главной роли буду я!»

Наглеть – так наглеть до конца, – подумала я, погружаясь в джакузи, в неудобную с непривычки ёмкость с ароматической пеной и...

...и тут надо мной нависла Кэт – отвратительный ребёнок с лицом дауна и душой злобной крысятини (последнее выяснилось со временем). Ты привёз меня не на побережье в Малибу, и не в Амстердам, и не в Лондон даже – ты привёз меня в чумазый портовый город Манчестер, где на каждом углу торгуют тухлятиной и просят милостыню афробританцы, где в супермаркетах продаются в пластиковых коробках безвкусные, как пластмасса, салаты, а вместо хлеба – воздушные, длинные французские батоны, где самым таинственным и романтичным местом считается старое кладбище, которое фигурировало в твоём первом клипе. Я всё понимаю, Мик, тут тоже люди живут, и ты не настолько богат... скорее, ты не настолько расточителен, чтобы покупать у русской мафии земельные участки на Багамах. Я готова терпеть твои greatest hits tours по полгода, но только после нашего свадебного путешествия с ездом на Канары, Лонсорото и Коста-Рику (турне по Тихому океану на комфортабельном лайнере не в счёт).

Теперь о Кэт. Я охотно верю, что это твоя дочь, она такая же рыжая. Весьма своеобразный ребёнок. С наполовину высунутым языком, всегда готовая на пакость, и вовсе не потому, что она ревнует тебя ко мне (я не знаю, способны ли вообще на ревность дауны). Своими короткими, вечно липкими пальцами она открывала любые замки, разбирала мою косметику, чуть ли не в задницу себе запихивала мою губную помаду. Она даже ухитрилась вынуть камень из подаренного тобою кольца. В доме для этой бестии никаких преград не существовало. Её сухотелая чернокожая нянька пожимала плечами – мол, невозможно ничего поделаться с этим ребёнком. Наиболее безобидный из поступков Кэт – когда она своими липкими ручонками вкладывала DVD-диск в плейер, а потом вылизывала языком экран, на котором ты давал интервью японским журналистам... бродил по рыбному рынку в Стамбуле, особо не стараясь быть узанным, спотыкаясь о рыбные хвосты и головы, спрашивая у продавцов названия тех или иных рыб... Ты двигался на экране, а дочь вылизывала твоё изображение, приговаривая: daddy, daddy, папочка... Бр-р-р! Отвратительное зрелище!

«Мик, а где же мать Кэт?» – задала я совершенно естественный вопрос, когда мы голышом загорали на твоей персональной яхте. Ты ответил не сразу: «Если тебе так важно это знать, она находится в Лондоне, в психоневрологической клинике». Больше ты ничего не сказал. Я почувствовала в тебе очаг давней боли, и я не в силах была с этой болью справиться, равно как и заменить тебе кого-то. «Кэт – мой единственный ребёнок, в ближайшее время у меня не должно быть детей». «Мик, объясни, что означают твои слова?» «Моя жизнь – мой бизнес, и я должен, ту honey, уметь её планировать... тем более в условиях кризиса». И ты широко улыбнулся мне, совсем как music lover. «Я рад, что у меня русская любовница, и что между нами существует договорённость во всём». И мне вдруг захотелось дать тебе затрещину, прежде чем умереть от обожания и нежности к тебе, просматривая в твоё отсутствие твои знаменитые хиты, катаясь по пустой постели в эротических снах...

«Насчёт бэби, my honey, я пошутил, не всё так безнадежно...»

Мик, ты всегда шутил. И все твои ответы на мои вопросы были абсолютно логичны, мне не к чему было придрататься, И ты был по-своему заносчив, проведя чёткую линию между нашими с тобой отношениями и своей личной жизнью. Чтобы жить с тобой, надо быть либо эмансипированной стервой, либо всецело принадлежать тебе, как кошка, узнающая и любящая только своего хозяина, и не вмешиваться ни в какие твои дела.

«Мик, ты меня любишь?» «Of course, my honey». «Тогда почему ты стучишься в мою спальню, а свою комнату при этом запираешь на замок?» «Потому что ложе существует не только для любви, но и для отдыха, и для мыслей...». «Мик, ты помнишь, что ты вытворял вчера на вечеринке у Джонсонов?» «И что же такое я вытворял?» «Ты напился вдрызг, ползал на четвереньках, ел с пола упавший торт...». «Я вёл себя как честный пьяница, не нарушая ничьих прав, не вступая в позорную драку, моей скромной пьяной выходке мог бы позавидовать сам премьер-министр...». Мик, в свободное от репетиций время ты гоняешь мяч по спортивной площадке и лихо забиваешь голы, гребёшь на каное по океану, отправляешься на ночные съёмки за город. В поездках жуёшь гамбургеры, запивая их кока-колой. Поедаешь кос-салат, берегущий твои голосовые связки. В перерывах между репетициями ты ещё успеваешь выучить несколько фраз на языке той страны, в которой тебе предстоит гастролировать, для того лишь, чтобы непринуждённо болтать со сцены с залом, отпуская шутки, крутя микрофоном. Ты хороший психолог, Мик. Своими шутками ты способен и мёртвого расшевелить. В твоём здоровом образе жизни – слишком здоровом для меня – почти не остаётся для меня места. Равно, как нет и никакого соприкосновения с твоими рубашками и носками, поскольку всем этим в доме занимается Хема, толстая и страшная индианка со спутанными волосами... Ты просто помешан на «цветной» расе! По-твоему, чем темнее цвет кожи – тем талантливее личность. Но у меня своё мнение на этот счёт: Мик, я совершенно точно для себя определила, что мой шофёр и моя кухарка должны быть родом с Кавказских гор! Ты согласен, Мик? Ты так уморительно задумался над моим предложением, пообещав в ближайшее время обсудить этот вопрос, что мне хотелось снова и снова ловить тебя на непонимании простого русского юмора. «Мик, отгадай загадку: два конца, два кольца... ну ладно, чтобы ты не мучился, это – свадьба «голубых»... веуэддинг блюю'с». «Ты имеешь в виду свадебный марш?» «Нет, я имела в виду однополый брак... но не учла, что у вас над этим вообще не шутят, и что слово «голубые» у вас звучит иначе...». Мои чувства к тебе каждый раз спотыкались о твой англосаксонский стереотип. В разгар нашего с тобою спора прибежала Кэт и неожиданно уселась ко мне на колени, обхватив мою шею руками. Её слюнявый язык коснулся моей щеки, мне пришлось сносить её ласки, не морщась. «Ещё одна загадка... Сидит дед, во сто шуб одет... Ситтинг олд мен, дрессед ин хандрид винтер коутс, – продолжаю я, ужасаясь собственному переводу. – Нет, Мик, это не партизан из русского боевика, это овощ, понимаешь? Репчатый лук». Как перевести слово «репчатый», я не знаю, равно как и слово «лук», и мои объяснения заводят меня саму в тупик. Кэт у меня на коленях неприятно хохочет, явно ничего не понимая, но тебе нравится смех твоей дочери. «Продолжаем, – говорю я. – Сидит красна девица в темнице... э-э-э... ред леди ту призон... Да ладно, не пугайся ты, хорошо, я скажу, это всего лишь-навсего морковь!» «That`s enough! – перебиваешь ты меня с напускной серьёзностью. – Достаточно! Я не желаю больше слушать эти ужасы про русские овощи!» Кэт заливается смехом. «Ладно, Мик, – соглашаюсь я, подмигивая Кэт. – Теперь твоя очередь загадывать». «О`кей. Одна полоска жёлтая, другая синяя, сверху зелёная...», – несёшь ты какую-то хрень. «Да тут и думать нечего, – отвечаю я. – Это лодка нашего соседа Билла, раскрашенная им собственноручно!» Мы хохочем все втроём. «Но Билл иначе раскрашивает свои лодки», – серьёзно говоришь ты потом, готовый дать разгадку. «Погоди, Мик, у меня есть одно МА-аленькое предложение: ты разводишься с матерью Кэт, и мы с тобой путеше-

ствуем; затем ты подыскиваешь мне место в своём музыкальном бизнесе – если я, конечно, нахожу отгадку к твоей нелепой, бессмысленной загадке». Твои глаза округляются, темнеют, и из прозрачно-голубых становятся синими. Это глаза кота, умоляющего не брать его за шкуру и не топить. «Ну уж нет, – медленно отвечаешь ты. – Скорее уж я буду спать с трёхтрубками, sleep with the Tribbles». «Что?! Что ты сказал?! С кем ты собираешься спать?!» В твоих глазах мелькает растерянность. «Ты не поняла, baby. Ещё говорят: только добавь личинок, just add maggots». Я окончательно выхожу из себя: «Спать с личинками?! Неужели я до такой степени тебе противна?!» Ты растеряна ещё больше. «Да нет же! – кричишь ты. – Я имею в виду to be in Abraham`s bossom, «быть в груди Абрахама»...Я не понимаю вообще ни черта, и тут ты наконец выпаливаешь: «Умереть! Это всё означает «умереть», baby. Так вот, я скорей умру, чем разведусь со своей женой – вот что я имел в виду!» Я остываю. Что ж, классная месть за мои русские загадки. И большое спасибо, Мик, за откровенность. Ты убедил меня в том, что я для тебя ничего не значу...

А знаешь, что самое смешное, Мик? То, что рассказывая тебе русские анекдоты и загадывая русские загадки, ловя тебя на тупизне, я не перестаю обожать тебя. Может, мои чувства ещё далеки от настоящей любви, но я умираю, когда тебя нет рядом. Умираю ещё и от безделья, от ненужности самой себе. В твоих музыкальных клипах ты красив до умопомрачения, ты страстен так, что дух захватывает... а в жизни небрежен, холоден, эгоистичен. Ты и должен быть таким. Я настолько в тебя влюблена, что уже ненавижу... Мик! Ты меня куда-то волочишь. Укладываешь на заднее сиденье машины. В голове у меня гудит, в глазах – чёртики. Тошнота подступает к горлу. Кажется, я испачкала тебе пиджак. Надеюсь, Хема его отстирает. Я много чего перепробовала – и из любопытства, и чтобы тебе меньше осталось: и виски с содовой, и джин с тоником, и бренди, и ром... Пожалуй, перед русской водкой я бы остановилась, но водки там не было. Джонсоны хорошие люди, они полицию вызывать не станут, хотя бы из уважения к тебе... Мик, скажи правду – я похожа на русскую тварь, которая подбирается к твоим честно заработанным счетам в банке? «Немного, – улыбаешься ты. – Но не беспокойся насчёт моих счетов, их надёжно заморозил кризис...Теперь вся моя надежда – на живые концерты». И ты уезжаешь, не попрощавшись даже с Кэт. Ты вообще не любишь прощаться. Твой маленький серебристый самолёт исчезает в облаках вместе с тобой на борту, а также с двумя Джонсонами-клавишниками, бас-гитаристом мексиканского происхождения Зузукой и прочей разношерстной шоблой, в составе которой имеются две чернокожие солистки с отменными голосами. Рядом с тобой они в своих белых балетных «пачках» так похожи на дрессированных макак!.. Да-да, я очень хорошо помню, что мне нельзя ни к кому и ни к чему ревновать тебя. Это глупо, бессмысленно, отвратительно. Именно так и выглядела бы моя ревность. К тому же она была бы ещё и смешной... Ведь эти две шоколадные леди, они потому повсюду с тобой, что могут петь. А что могу я, Мик? Каждую секунду произносить твоё имя?.. Ведь ты принадлежишь не мне, а музыкальной своре, которую считаешь своей семьёй! Что ж, ты прав, как всегда, нам пора разойтись по своим семьям. Я хватаю свой старый помощный чемодан (Хема так и не отважилась его выбросить, предвидя, наверное, скорый конец нашей дружбы). Хема, даун и нянька Амалия сейчас в разных комнатах. А на пороге моей комнаты застыла фигура Элис, жены Джонсона-среднего и матери двоих Джонсонов-младших. После моего постыдного бузинга (попойки) мне больно смотреть ей в глаза. И ещё после того, как ты оставил меня с её оголтелыми детьми, а сам оккупировал песчаный берег на время своей трёхчасовой репетиции.

«Хелен, – начала она (здесь все называют меня почему-то именно так), – Хелен, я должна тебе что-то сказать».

«Я слушаю, Элис, говори», – отзываюсь я, продолжая швырять в чемодан всё своё, минус твои подарки и минус вещи, купленные в кредит. Пусть моя совесть будет

чиста. Сейчас она сообщит мне, что твой самолёт, пролетая над Скалистыми горами, разбился вдребезги. Неплохой конец для романа.

«Мне надо с тобой поговорить». Да говори же, чёрт тебя дерит!

«Мик... Он очень ранимый и очень доверчивый, – начинает Элис. – Если он бывает в чём-то непреклонен, то это всего лишь его защита, его панцирь...»

«Понимаю». Кто бы здесь понял мою ранимую душу...

«Женщины часто обманывают таких, как он...»

(А нечего зашибать такие бабки!)

«Он восхищён твоим интеллектом и вашей дружбой с Кэт», – продолжает Элис.

(О Мик, дорогой, в том, что наши с тобой отношения целиком зависят от моих отношений с твоим ребёнком – ничуть не сомневалась, терпя выходки избалованного даунёнка!)

«Но он влюблён в свою жену?» – предполагаю я.

Элис замотала головой: «Свою жену он знает с детства, они снялись вместе в одном из клипов, в том самом, где парень пытается спасти свою девушку от наркотиков...»

(Видела. Шикарный клип, шикарная музыка. Хотя смысл слов я уловила плохо)

«Она долго не могла родить Мику ребёнка. А когда родила – случилась двойная непоправимая трагедия. Надеюсь, понимаешь, о чём я?»

«Скажи, а у Мика нет детей, кроме Кэт?» – задаю я не очень тактичный, может быть, вопрос.

«Ты о чём?» – оторопевает Элис.

«Я видела клип, где он поёт в окружении разноцветных малышей».

«О, нет, – улыбнулась Элис. – Это всего лишь клип. Просто Мик хорошо относится к «цветным»...

(Я это заметила)

«Мик чувствует себя виноватым перед своей женой», – говорит Элис.

Ну вот, не хватало ещё, чтобы он чувствовал себя виноватым ещё и передо мной! На мои глаза наворачиваются слёзы, к горлу подкатывает комок. Любить любого ребёнка и дружить с темнокожими – это то, чего так не хватает мне. И в этом отношении я гораздо эгоистичнее моего MUSIC LOVER`а, моего рыжего голубоглазого котяры с трогательной – Голливуд отдыхает! – улыбкой, с манерами самого нежного и деликатного донжуана на свете, по-детски ранимого, с простым, но логичным мышлением и кучей прочих достоинств и недостатков.

«Если ты сейчас исчезнешь, ты причинишь ему новую боль. Не делай Мику больно», – умоляет меня Элис. Но я уже не слышу её. Я просто бьюсь в безмолвной истерике и уже предвкушаю сны, в которых ты являешься мне раненым, окровавленным, и я буквально вылизываю твои раны, потом хватаю тебя в охапку и ору, что никогда и никому тебя не отдам... А потом снова и снова выискиваю тебя среди обломков самолёта... но все эти сны будут потом. А пока что я произношу самую эгоистичную из своих фраз: «Если я ему так нужна, то пусть хотя бы попытается меня вернуть!» Должен же в этой жизни хоть кто-то попытаться вернуть меня к себе...

Мик, по возвращении домой я намерена побросать все диски с твоими записями в мусорное ведро. Все эти CD и DVD, которые я когда-то в порыве подлинного безумства нахватала в музыкальных магазинах города Баку и не только Баку. Но станет ли мне от этого легче?

Ещё только подходя к родной библиотеке, я заподозрила что-то неладное. Нет, вначале радости моей не было предела: я увидела щуплых солдатиков, споро выгребующих из глубин здания связанные пачки классиков марксизма-ленинизма; до

этого классики не востребоважно возлежали на полках и собирали пыль. Подойдя ближе, я заметила, что волокут, оказывается, не только вышеупомянутых классиков, но и прочих неплохих, в общем-то, авторов. Связанные пачки забрасывались в кузова грузовиков и увозились в неизвестном направлении.

Поднявшись на второй этаж, я остолбенела: Бэлуся!.. Живая!

«Как видишь, – словно прочитав мои мысли, ответила Бэлка. – Живучая я, как кошка, только месяц в Семашко провалялась». Она курила в перерыве между связыванием книг, сняв резиновые перчатки и опустив респиратор. Странно было видеть Бэлку среди полупустых и пустых полок, и поневоле думалось, что теперь вот ей прятаться с сигаретой будет негде, да и незачем. «А ты чего вернулась в эту плевательницу? – поинтересовалась она. – Неужели Манчестер хуже нашего города?» Бэлка была осведомлена обо всём. Кто мог накапать ей про Манчестер и всё остальное? Мика. А Мике кто? Мой бывший супруг, такой же сплетник и жалобщик, как и все бывшие супруги в трудные моменты своей жизни.

«Может, наш город и лучше Манчестера, но я... я оказалась гораздо хуже, чем предполагала», – сказала я.

«Король эротических блюзов показал себя тупым скупердяем и занудой-неврастеником? – предположила Бэлка, гася сигарету о деревянный стеллаж. – Неужели он послал тебя на фиг?»

«Скорее, это я послала его на фиг».

«Молодец, растёшь!»

«Я не расту. Я умираю, медленно и мучительно».

«Запомни, золотце, ни один мужчина не стоит того, чтобы из-за него умирали! А у нас тут, как видишь, полная к и т а б Х А Н А. Что называется, «мы старый мир разрушим до основания...»

«...а затем – кто будет бить в раю баклуши, а кто останется ни с чем», – закончила я Бэлкину весьма вольную интерпретацию «Интернационала», избавив её от необходимости развивать тему в неприличном, скорее всего, варианте.

«Вот-вот, вижу, что заграничная жизнь не затоптала твоего юмора, – одобрительно сказала Бэлка, вновь принимаясь за связывание книг. – Ты насчёт работы особо не переживай. Я тебя протащу, если, конечно, сама тут удержусь».

Не удержалась.

Спустя какое-то время мне удалось проникнуть в бывшую нашу библиотеку с фотоаппаратом-мыльницей в руках. Я попыталась запечатлеть на плёнке компьютерный зал и богато инкрустированную ручку туалета, после чего с позором была выдворена из здания каким-то служащим, которого я раньше и в глаза не видела. Всё правильно. Я была нужна только там, где под ногами шмыгали крысы, а на голову постоянно сыпалось какое-то дерьмо..

...Мик, я чувствую всем своим нутром, как ты зовёшь меня обратно, приводя при этом веский аргумент – по мне безумно скучает Кэт. А её наглую няньку Амалию ты уже уволил. Но, Мик, я не вернусь. Невозможно вернуться в прошлое... тем более, сочинённое в минуту эйфории... Всё было совсем не так. Элис вовсе и не уговаривала меня остаться. И насчёт твоей жены она тоже ничего не пыталась объяснить. Она просто дружески протянула мне свою руку, пообещав не оставлять меня одну в твоё отсутствие. Так вот, Мик, я вовсе не собиралась сплетничать с Элис о тебе на чужом языке. Ты ведь это хотел знать, признайся? Отправляясь в своё турне ты, как честный MUSIC LOVER, оставил на тумбочке 500 евро на мелкие расходы. Я не знаю, что ты подразумеваешь под мелкими расходами – поход в один из местных бутиков или обед в ресторане с Элис. Обед с Элис мне абсолютно неинтересен, а таскаться по бутикам я не приучена с детства. И мне жутко не нравится шёлковое нижнее бельё на бретельках. Гораздо приятней находиться в своей роскошной пижаме, пижаме цвета

вечернего неба с разбросанными по нему бордовыми розами. Тебе ведь она тоже нравится? Мне даже удалось однажды заняться с тобой любовью в этой пижаме. Поэтому я забрала её с собой, чтобы отныне спать в ней и только в ней. Мик, чтобы заниматься с тобой любовью, мне вовсе не нужно раздеваться догола. Я могу впасть в экстаз от одного твоего прикосновения и даже от одного твоего голоса. От одного вида твоего весьма своеобразного выхода на сцену. Но в ту минуту, когда я упаковывала чемодан, меня уже ничто не могло остановить. И никто – ни ты, ни Элис. Впрочем, ты, может, и остановил бы, если б оказался тогда рядом. Но тебя рядом не оказалось. А в моей голове постоянно вертелся один из эпизодов нашей с тобой совместной жизни. Глупейший, пакостнейший эпизод... Нет, не моя пьянка, и не твоя. Всё было гораздо омерзительней.

...Я балдею в джакузи. Кэт швыряет в воду оторванные части своих Барби и Синди, она уже намеревается замочить свою безголовую собачку, сунёт её ко мне в джакузи, словно в воды Ганга, но Амалия успевает схватить девчонку за руку. «Мик ещё не приехал?» – спрашиваю у няньки. Она отрицательно качает головой, а в глазах у неё – нехороший огонёк. Спустя три часа Амалия стоит у моей кровати и трясёт меня за плечо. И я повинуюсь ей, словно загипнотизированная, следую за ней по лесенке, ведущей в твою комнату, где находится несколько музыкальных инструментов – иногда ты создаёшь здесь свои бессмертные хиты. Твоя комната по-прежнему заперта. Но мне предлагается заглянуть в замочную скважину. Ничего более унижительного в своей жизни я ещё не испытывала. Я до такой степени шокирована подсмотренным, что у меня просто не хватает сил для крика и немедленного бегства. Потом я начинаю метаться по твоему дому, готовая покинуть его немедленно. Но из всего возможного транспорта в этом районе – только такси с шоферами-афробри-танцами. А их я побаиваюсь.

Мик, ты появляешься за моей спиной. Интересно, что ты сейчас скажешь в своё оправдание?.. Что ты вовсе не гей, но таким образом расслабляешься, что репетируешь эпизод из своего нового клипа?.. И ты ещё советуешь мне позвонить своему психоаналитику, чтобы успокоиться! Мик, ты просто спятил. Неужели ты думаешь, что я сейчас наберу номер твоего психоаналитика лишь для того, чтобы спросить: «Скажите, пожалуйста, мой муж Мик, всемирно известный певец, солист группы «Сингл Блэк», спятил или не спятил? Он гей или не гей? Бисексуал или не бисексуал?» И что же мне ответит психоаналитик? В разгар нашей с тобой ссоры Амалия стоит поодаль и с плохо скрываемым злорадством наблюдает, как я мечу в тебя твои платиновые диски. И в это самое время разбуженная Кэт проникает в твою незапертую комнату – единственное место, куда ей категорически запрещён доступ. Кэт ловко управляет инструментами: на гитаре рвёт струны, а в саксофон засовывает кусок жвачки. Bravo, Кэт, я в восторге! Сейчас ты – единственное существо, которое мстит за меня!

...Мик, сделай так, чтобы я о тебе никогда не думала, чтобы мне никогда не снились осколки твоего вдребезги разбившегося воображаемого лайнера, чтобы я никогда не произносила в ночи твоего короткого кошачьего имени, чтобы я не ласкала своё тело под пижамой, воображая себя с тобой. Мик, дай мне слово, что ты никогда...никогда...никогда...